

FRITZ GSHNITZER, Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. Zweiter Teil: Untersuchungen zur älteren, insbesondere Homerischen Sklaventerminologie, Wiesbaden, 1976, 123 стр. (Forschungen zur antiken Sklaverei, hrsg. von J. Vogt und H. U. Justinsky, Bd. VII)

Новый труд Фритца Гшнитцера — вторая часть многолетних его исследований по истории рабства в античном мире. Эту работу автор посвятил известному языковеду Г. Амману. Первая часть исследования, где излагался план и метод обширной работы, появилась давно и тогда же была отмечена критикой (рецензии П. Шантрена и А. Хойбека)¹. Часть вторая начинает систематическое изучение относящейся к рабовладе-

¹ F. G s c h n i t z e r, Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei. I. Grundzüge des vorhellenistischen Sprachgebrauchs, in: «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse», Mainz, Jg. 1963, № 13, стр. 1283—1310).

нию древнегреческой лексики в хронологической последовательности, обследуя словоупотребление гомеровских поэм с учетом данных предшествующей и последующей эпох. Ф. Гшнитцер, начав с занятий лингвистической теорией, а впоследствии став профессором древней истории в Гейдельбергском университете (его труды часто связаны с формами античного правосознания), располагает превосходными средствами для того сочетания языкового подхода с историческим, которое желательно в любом историко-филологическом исследовании и совершенно необходимо при изучении вопросов социально-терминологического свойства, в особенности когда изучение это основано, как в нашем случае, на художественных памятниках. Как и следовало ожидать от основательного исследователя, автор тщательно учитывает труды своих предшественников, в том числе и появившиеся в нашей стране работы Я. А. Ленцмана и Э. Л. Казакевич. Вторую часть исследования можно читать и без первой, однако привлечение вводных соображений и общего обзора, там содержащихся, полезно, и наше изложение их учитывает.

За вступительными страницами (VII—XIII и раздел 1: стр. 1) следует раздел II (стр. 2—15), посвященный анализу слова *δοῦλος*. Ни это, ни какое-либо другое слово, рассуждает Ф. Гшнитцер, не соответствует вполне нынешнему (антиварному по существу) понятию «раб»; оно вообще не было обозначением лица, а указывало с юридической точностью или же риторической остротой на социальный статус известной категории лиц, что согласуется и с исконной грамматической адъективностью этого слова. В других случаях, когда рабов рассматривают как помощников, слуг, провожатых, рабочую силу или имущество, используются слова *οἰκός*, *ἀμφίπολος*, *οἰκέτης*, *ἀνδράποδον* или *παῖς/γυνή*. Таким образом, *δοῦλος* означает собственно «не имеющий свободного статуса» и противопоставит также адъективному *ἐλεύθερος*. Хорошо известная в классическое время, эта дихотомия вполне может быть отнесена к микенскому времени, а предположительно, считает Гшнитцер, и к эпохе индоевропейской общности. Действительно, давно известные индоевропейские параллели к *ἐλεύθερος* (лат. *liber* в особенности) позволяли предполагать большую его древность, а дешифровка линейного *B* подтвердила преемственность значения. Правда, *e-te-u-te-ro* встречается в табличках в специфическом значении «свободной от налогов», однако это можно связать с характером источников. Что касается *δοῦλος*, то микенские материалы засвидетельствовали формы *do-e-ro* и *do-e-ra*, причем контекст позволяет выделить такие смысловые признаки, как подчиненное положение этих лиц, связь с владельцем и возможность перепродажи. Поэтому представляется соблазнительным предположить, что и *δοῦλος*, и кардинальное его противопоставление понятию *ἐλεύθερος*, также восходят ко времени еще более древнему; Гшнитцер надеется даже увидеть эту оппозицию выраженной вполне четко и в морфологическом отношении: **leudh-elo-s/*dos-elo-s* в смысле «принадлежащий к народу»/«вражеский, чуждый», причем стабильность понятийного членения не должна, разумеется, означать неизменность форм рабства (ср. положение спартанских илотов, работу в аттических рудниках, службу храмовых рабов и т. д.). Слово *δοῦλος*, как известно, ни разу не встречается в гомеровских поэмах; тем не менее несколько случаев употребления *δοῦλη* и *δουλοσύνη* (о рабынях-наложницах), явное противопоставление *δοῦλιον* и *ἐλεύθερον ἦμαρ*, а также приведенные выше соображения о древности слова в занимающем нас смысле показывают, что старая терминология не исчезла, чтобы возродиться вновь в классическое время, а лишь отодвинута на задний план в связи с замеченной давно избирательностью гомеровского эпоса. Мы снова убеждаемся в том, что язык эпоса ни в коем случае не следует считать идеальным источником для составления надежной и полной картины языка определенного места и времени.

Следующий, III раздел посвящен слову *ἀνδράποδα*, засвидетельствованному у Гомера однажды. Раздел этот очень краток, так как автор говорил об этом слове в предыдущей части своего труда и собирается вернуться к нему в последующих. Слово появляется, по мнению Гшнитцера, в позднегомеровское время и образовано по аналогии с *τράποδα*; раб обозначается здесь как имущество, которое хоть и не дол-

жно, но всегда может быть продано. Слово эмоционально насыщено и отражает наиболее мрачную сторону античного рабовладения.

В первой части своего исследования Гшнитцер посвятил несколько интересных страниц разбору слова *οἰκέτης*, которое примечательно подвижностью смысла: от «домочадца», как можно назвать и свободного, а иногда даже члена семьи, до «одного из рабов упомянутого в речи человека»; впоследствии слово имело тенденцию стать общим обозначением раба, однако было вытеснено (уже в послеклассический период) конкурентом *δοῦλος*. Во второй части труда это слово не рассматривается, зато учтено слово *οἰκέως* вместе с его послегомеровскими употреблениями. Судьба обоих слов, как и можно было ожидать, очень схожа. *Οἰκέως* у Гомера относится также недифференцированно к «домочадцам», «людям», «слугам в доме и вне его», а в δ 244 слл. вполне определенно употреблено в смысле «раб» (раздел IV: стр. 16—21).

Весьма обстоятельно разбирает Гшнитцер историю слова *ἀμφίπολος* и производных от него (стр. 22—45). Установить колеблющиеся значения, тем более их филиацию, здесь так трудно, что автор говорит о «лексикологических джунглях» в послегомеровском употреблении. У Гомера *ἀμφίπολοι* обычно говорится о «служанках, прислужницах» (рабынь, женской прислуги в микенское и гомеровское время было, кажется, в самом деле больше); это близко к *ἄμφαι*, с тем отличием, что первое слово сосредоточено больше на функции служанок (сопровождать хозяйку), чем на их зависимом положении, которое мыслится прежде всего в слове *ἄμφαι* («челядь»). Это смысловое различие может быть вполне согласовано и с происхождением обоих слов. В самом деле, *ἀμφίπολος* восходит к **ambhi-kʷolos* со значением «находящийся при ком-то» (ср. лат. *apiculus*, *apicilla*); что же касается *ἄμφαι*, то из двух старинных этимологий Гшнитцер на основании смысловых соображений предпочитает происхождению от *δάμνημι* возведение к индоевр. **dom-*, **dem-*, что дает значение «домашние» (ср. выше *οἰκέτης*, *οἰκέως*). В обстоятельном рассуждении о слове *ἄμφαι* (стр. 46—82) для историка могут быть особенно интересны соображения Гшнитцера о том, «были *ἄμφαι*/*ἄμφαι* и *ἀμφίπολοι* свободны или нет?»; автор книги приходит к выводу, что как та, так и другая категория людей относится к несвободным, приобретенным в собственность путем торговли или захвата в плен.

Иначе обстоит дело с *θεράποντες* (раздел VII: стр. 83—103). Если в речи классического времени они, особенно *θεράπειναι*, обозначают, как правило, прислуживающих рабов, то в «Илиаде» это слово относится обычно к свободным «спутникам» воина (часто имеется в виду возница). В «Одиссее» это помощники в работах, более близких к тем, которые выполняются рабами. В позднейшую эпоху, особенно после перехода от боя на колесницах к фаланге, необходимость в таких помощниках стала меньше, а для помощи в пути и в лагере использовались уже рабы, более многочисленные к тому времени. В этой обстановке применение старого слова *θεράπων* к ним было лестно как для прислуживающих, так и для их господ. В аттическом языке V в. до н. э. *θεράποντες* встречаются в перечне погибших в боях рабов, что указывает на их социальный статус в форме, подходящей к такому случаю. Слово засвидетельствовано в микенское время, но смысловая его история неясна.

Заключительная глава (стр. 104—115) подводит итоги наблюдениям Гшнитцера над гомеровским словоупотреблением. Рассмотрение в синхроническом духе показывает систему, отличную от «большой четверки» классической поры (*δοῦλος*, *οἰκέτης*, *θεράπων*, *ἀνδράποδος*); центральное место в гомеровских поэмах занимают *ἄμφαι*/*ἄμφαι*, к которым примыкает *οἰκέως*. Выражение *ἀνδράποδα* говорит о рабах презрительно как о военной добыче, а *ἀμφίπολοι* является парадным прозвищем рабынь по их обязанностям перед хозяйкой. Что касается *θεράπων*, то оно стоит еще вне изучаемого семантического поля, наглядно представленного в таблице на стр. 107. При диахроническом рассмотрении тех же слов обнаруживается, как стабильна была главная оппозиция *δοῦλος*/*ἐλεύθερος* и как подвижно было словоупотребление там, где о рабах говорят с бытовой точки зрения. Здесь можно видеть противоречивую склонность языка сохранять и менять — поучительна в этом смысле и новизна и традиция в серии *ἄμφαι* — *οἰκέως* — *οἰκέτης*. Тот же рисунок вариации при смысловом подобии,

а также эвфемистическое словоупотребление видны в том, как почетное гомеровское $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\pi\omega\nu$ относят впоследствии к рабам, что как будто бы повторяет семантическую историю слова $\alpha\mu\phi\acute{\iota}\pi\omicron\lambda\omicron\varsigma$. Отражает ли многообразие этих обозначений социальную градацию в массе рабов? На основании рассмотрения вопроса в целом Гшнитцер высказывается против такого допущения; причиной дифференцированности лексики была, по его мнению, связь мыслей, выделение то одной, то другой ситуации, участником которой является раб, в качестве признака для обозначения.

Изложение Гшнитцера не лишено, пожалуй, некоторых несоразмерностей; однако этот недостаток вполне искупается тщательностью в обработке материала, осмотрительностью в выводах и драгоценным для филологии умением равно учитывать стиль автора или вообще причуды человеческой речи, с одной стороны, и общественную, правовую историю — с другой. Эти качества исследований Ф. Гшнитцера позволяют с интересом ожидать публикации остальных частей его труда.

А. К. Гаврилов